

Раздел 2

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Е. В. Беляева

СИСТЕМА НРАВСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Для описания системы нравственности современного белорусского общества следует рассмотреть ее в общем контексте исторических изменений, что позволит определить общие и особенные черты той нормативно-ценностной структуры, которая сложилась в нашей стране в начале XXI в. На протяжении большей части своей истории белорусский этнос образовывал традиционное общество, и в этом плане ему были присущи все характеристики традиционной нравственности, на которую наложилась композиция религиозных (христианско-языческих) представлений. Общие закономерности развития традиционной белорусской культуры квалифицированно проанализированы в работах таких исследователей, как Е. М. Бабосов [2], С. А. Подокшин [50], А. Мальдис [46], А. С. Майхрович [45], Л. А. Боцонь [19], В. Ф. Голубев [24], О. Н. Шарая [67]. Приобщение белорусского народа к культуре обществ модерна происходило в ходе ряда разнородных исторических процессов. Первый связан с процессами модернизации в Европе XVII–XVIII вв., которые охватили и Великое княжество Литовское [47, с. 237–255]. Второй пришелся на конец XIX в., когда попытку модернизации предприняла Российская империя, в состав которой входила территория Беларуси. Третьей специфической волной модернизации стали преобразования времен советской власти.

К моменту крушения СССР в его белорусском фрагменте сложилась специфическая система нравственности, включавшая в себя преобразованные на базе советской идеологии традиционные ценности (коллекти-

визм, трудолюбие, патриотизм, почитание старших, воинский этнос). В какой-то мере белорусы оказались наиболее «советским» этносом: «ни один другой народ СССР не отдавал приоритет советской идентичности в столь высокой степени, как белорусский» [62, с. 76]. При этом характеристики моральной регуляции приближались к параметрам скорее современного, чем чисто традиционного общества.

Кризис нравственности «перестроечного» периода частично был проанализирован по свежим следам [26; 27; 35; 57], когда по преимуществу фиксировались симптомы отказа от советской системы нравственности. Следует отметить, что в основном распад коснулся именно общественной морали как системы согласованных взаимодействий и в меньшей степени морали отдельных индивидов. Кризис лишь сделал явным формальное принятие многими людьми нравственных норм социализма, внешне-непринудительный характер нравственной регуляции. В этой «точке бифуркации» были возможны различные варианты восстановления общественной нравственности на базе альтернативных политических стратегий. «Открытость и многовариантность догоняющего развития предопределили возможную нелинейность социальных процессов и неустойчивость любых тенденций в постсоветских обществах» [28, с. 86]. Логика же нравственной самоорганизации общества в кризисный период предполагает, что независимо от политических процессов люди нуждаются в упорядочивании своих отношений и придании своей жизни осмысленности. В условиях отсутствия общих нравственных ориентиров они обратились, во-первых, к досоветским нравственным образцам (традиционной и религиозно-традиционной системам нравственности), а во-вторых, к ценностям низовых сообществ, малых социальных групп, главными из которых являются семья, а также друзья и соседи. Как показывают российские [20] и белорусские [62, с. 33] данные, в ситуации социальной нестабильности наши общества тяготеют к восстановлению общинных структур во всех сферах социальной жизни. Третьим источником стабилизации стали, как ни странно, распространяющиеся тенденции постмодерна, в контексте которых ценностная анархия воспринимается как норма. Таким парадоксальным образом общество переосмысливает свой нравственный статус: из «разложившегося» оно становится «плюралистичным». Эти три тенденции самоорганизации привели к формированию предпосылок системы нравственности современного белорусского общества.

Представление о ценностных ориентациях белорусов в период современной социальной трансформации можно составить благодаря данным, полученным отечественными социологами. Общность исторического прошлого и сходство трансформационных процессов в Беларуси и России позволяют также принять во внимание результаты аналогичных

российских исследований. Стремясь определить степень значимости традиционных, модерных и постмодерных представлений в современном моральном сознании, большинство из них делают вывод о смешанном, «метиссажном», плюралистическом характере нравственности современных белорусов [10; 38; 48, с. 105; 62, с. 134; 71]. Однако такой тезис, по сути, совершенно верный, нуждается в содержательной конкретизации. Необходимо определить: является ли смешанный характер нравственных установок признаком ценностной дезориентации в обществе или мозаичность ценностных ориентаций является характеристикой целостной системы нравственности эпохи постмодерна? Кроме того, следует уточнить: по каким принципам происходит соединение мозаичных фрагментов нравственности, какова конкретная конфигурация сочетания элементов традиции, модерна и постмодерна в системе нравственности белорусского общества? При этом надо отдавать себе отчет в том, что социологические данные только частично могут выступать источником этических обобщений. Полемика о возможности социологии морали существует со времен Дюркгейма и продолжается до сих пор [4; 5; 58]. В частности, фиксируемые социологическими опросами колебания общественного мнения на протяжении 10 или даже 30 лет слишком мимолетны, чтобы принимать их за безусловное свидетельство глубинных тенденций в развитии столь консервативного феномена, как нравственность. Проблема усугубляется разницей в методологических подходах советских и постсоветских исследований, а также в инструментарии различных исследовательских групп. Кроме того, большинство социологических работ посвящено ценностным ориентациям молодежи, нравственность же старших поколений и ее изменения реже попадают в поле зрения ученых. Однако в результате осторожной интерпретации имеющихся социологических данных на базе общей логики морального сознания и закономерностей его динамики возможно достаточно целостное описание современной системы нравственности.

1. Традиционные элементы в системе нравственности белорусского общества. Традиционное общество ассоциируется с устойчивостью нравственных представлений и отношений, незыблемостью семейной и возрастной иерархии. Патриархальные отношения между старшими и младшими, мужчиной и женщиной, консервативная половая мораль и высокая роль семьи как фундаментальной ячейки общества свидетельствовали бы о высокой степени традиционализма современных белорусов.

При изучении взаимоотношений между поколениями заметно, что отношения с родителями у современной молодежи чаще всего носят гармоничный характер. Если исследования 1990-х гг. показывали высокую степень конфликтности между поколениями [26, с. 94], то по мере соци-

альной стабилизации молодые люди все чаще характеризовали отношения с родителями как партнерские [71, с. 93]. В 2005 г. студенты минских вузов оценивали нравственный уровень среднего поколения существенно выше, чем свой собственный, для двух третей молодых людей традиционная норма уважения старших сохраняла свое значение [13, с. 115]. Матрица нравственных представлений нашего общества по-прежнему задается старшими поколениями: «наиболее популярные образцы жизненного стиля для молодежи – это всегда взрослые люди, если общество умеет ценить этих людей» [26, с. 186].

Устойчивость нравственного авторитета старших не означает, однако, безусловного одобрения нормы «уважай старших». Если патриархальная мораль настаивала на том, что старшие заслуживают особого уважения, то около половины современных молодых полагают, что все люди достойны уважения и к ним надо относиться в соответствии с их реальными заслугами, вне зависимости от возраста [15, с. 640]. То есть в тех случаях, когда традиционная норма «уважай старших» сталкивается с демократической идеей морального равенства людей, ее значимость понижается.

Надо сказать, что и представления старших об их собственных обязанностях уже отошли от традиционных. «Большинство по-прежнему считает, что дети должны безоговорочно любить и уважать своих родителей [так считали 70 % белорусов в 1990 и 80 % в 2000 г.], тогда как только половина согласна с тем, что и родители должны безоговорочно отдавать все лучшее детям, тем самым ограничивая собственные права на личное благополучие, самовыражение» [63, с. 103]. Таким образом, отношения старших и младших постепенно пересматриваются не только молодежью, но и самими представителями старшего поколения. «Становится некорректной характеристика родительского поколения как традиционного, с устаревшей системой ценностей» [22, с. 100]. Отношения между «отцами» и «детьми» имеют тенденцию развиваться в направлении «морали без возраста», с едиными нормами взаимоотношений между людьми разных статусов.

Конечно, извечный конфликт отцов и детей (а еще более дедушек и внуков) в нашем обществе присутствует, но его переживание носит по преимуществу психологический характер, социально-нравственного же конфликта, т. е. принципиальной разницы между моральными ценностями разных поколений нашего общества, не наблюдается. «В нашем исследовании, – пишут российские авторы, – установлены <...> интегрирующие ценности – желание обоих поколений к равноправному диалогу; установлены и ценностные основания такого диалога – стремление к спокойной совести и душевному покою, экологическое сознание» [22, с. 102].

В аспекте преемственности поколений белорусское общество, в общем и целом, сохраняет традиционные ориентации. Однако статус нормы «уважай старших» пересматривается обеими сторонами отношения и становится более демократическим. Кроме того, эволюционирует и мотивация исполнения нормы: пиетет по отношению к старшим как источнику нравственного авторитета сменяется состраданием к старикам как незащищенному социальному слою. Дистанцирование от ценностных предпочтений старшего поколения не означает отказа от солидарности поколений.

Принцип патриархальности в традиционной нравственности, который проявлялся в нравственном лидерстве мужчины, весьма существенно сократил свое влияние. «Около половины молодых респондентов не судят об этических качествах людей, разделяя их по половому признаку <...> считают, что в отношении моральных принципов и норм мужчины и женщины не отличаются друг от друга» [37 с. 65]. Доброта и чувство справедливости считаются присущими мужчинам и женщинам в равной степени, понимание коими многих проблем в отношениях между полами сходное.

Другие же опросы показывают [7], что мораль куда более значима для девушек, чем для юношей, у них более высокая моральная самооценка. Юноши же в своем поведении гораздо чаще склонны руководствоваться не слишком «чистыми» моральными мотивами: они следуют морали, опасаясь наказания, соблюдают моральные правила, если это выгодно, или вообще не считают для себя важным руководствоваться моральными требованиями.

Большая приверженность ценностям модерна, отличающая современных девушек, также свидетельствует о нравственном лидерстве этой социальной группы. Такие, казалось бы, чисто мужские приоритеты, как индивидуализм, карьера и интересная работа, в среднем в полтора раза важнее для девушек, чем для юношей [7].

Можно было бы предположить, что мораль белорусского общества имеет «женский образ», потому что ее неявной основой является христианство, базовые добродетели которого (милосердие, сострадание, вера, надежда, любовь) ассоциируются, скорее, с женской социальной ролью. По вопросу о том, помогает ли религия разрешить нравственные проблемы, гендерная разница в ответах является значимой: в 2000 г. она составляла 15 % в пользу женщин [62, с. 87]. Не только религиозная вера, но и общественная мораль у женщин входят в интегрирующий структурный резерв ценностных ориентаций, в то время как у мужчин они составляют оппозирующий дифференциал [63, с. 76].

Налицо симптомы того, что патриархальное нравственное лидерство мужчины, который руководил женщиной в мировоззренческих вопросах, ушло в прошлое. При этом социальное лидерство мужчин сохраняется,

что заметно по тому, кто занимает руководящие посты, получает лучшую работу и занят престижной профессией. Такая картина свидетельствует о двойном неблагополучии: о том, что женщины не занимают в социуме того места, которое соответствовало бы их реальным нравственным заслугам, а также о том, что общественные отношения отстроены не по нравственным, а по прагматическим критериям. Сходные выводы относительно роли женщины в социокультурной динамике современности делает и Л. Г. Титаренко: возможно, «именно благодаря женщинам и через изменения в их сознании может произойти общий благоприятный поворот от примитивного утилитарного подхода к культуре и жизнедеятельности <...> к сознательному нравственному выбору» [63, с. 80].

Еще одной доминантой традиционной системы ценностей является семья. Целый ряд исследований свидетельствует о том, что в среде белорусской молодежи семья устойчиво занимает второе (после здоровья) место в системе важнейших жизненных приоритетов [32; 40; 57; 61; 71]. Семья образует ценностное ядро сознания взрослых белорусов [62, с. 39], она занимает первую позицию как среди базовых, так и среди инструментальных ценностей [59, с. 98], ее значимость росла на протяжении последних десятилетий и перевалила за 90 % [48, с. 93; 29, с. 100]. Первое место семьи в иерархии ценностей является также наиболее важным общеευропейским приоритетом [48, с. 102].

Между тем большинство исследователей отмечают кризисные явления в существовании современной семьи, природа и функции которой существенно изменились. При всей приверженности семье белорусы недостаточно сильно осуждают те явления, которые фактически разрушают традиционную семью (развод, аборт, случайный секс) [63, с. 159]. Л. Г. Титаренко справедливо задается вопросом: «Каким образом в повседневной жизни населения совмещаются чрезвычайно высокая оценка семьи с высоким уровнем разводов и низкой рождаемостью?» [63, с. 82]. Абстрактная ценность семьи слабо подкреплена инструментальными ценностями, позволяющими на практике создавать и поддерживать гармоничную семейную жизнь. Полоролевые функции в семье, половая мораль и в целом гендерные отношения в современном белорусском обществе давно отошли от традиционных стандартов. Следует заметить, что высокая значимость семьи характерна как для традиционного социума, так и для обществ постмодерна, однако ее функции и смысл семейных отношений в этих системах нравственности существенно различаются. Можно предположить, что в этом аспекте нравственность белорусского общества эволюционирует в постмодерном направлении. При сохранении высочайшей ценности семьи происходит существенное изменение содержательного наполнения этой ценностной ориентации, относящейся к ядру нравственного сознания.

Безусловной ценностью традиционного белорусского менталитета является трудолюбие [2, с. 130]. Трудолюбие занимает первое место в списке идеальных черт белоруса (93 %) и второе – в автопортрете современного белоруса (74,6 %) [38, с. 155–157]. Трудолюбие неизменно входит в число качеств, которые белорусские родители стремятся воспитать в своих детях [29, с. 102; 63, с. 103]. «Можно с удовлетворением отметить, что абсолютное большинство юношей и девушек (82,1 % – 1996 г., 79 % – 1998 г., 78 % – 2002 г.) имеют нравственно здоровую мотивацию к труду, которая не утрачена и живет в нашем народе издревле, передаваясь из поколения в поколение» [42, с. 185]. Среди главных нравственных ценностей современного студента трудолюбие заняло третье место после профессионализма и долга перед близкими людьми [15, с. 634–636]. Однако если традиционное трудолюбие белоруса можно охарактеризовать как привычку к труду (працавітасць) [38, с. 147–148], то мотивацию к труду современных жителей Беларуси следует анализировать с учетом ценностей модерна.

Существование различных исторических типов патриотизма [12, с. 41–45; 65, с. 64–65] побуждает к выяснению содержательного наполнения этого принципа в нравственном сознании современных белорусов. Социологические данные показывают, что идея патриотизма интерпретируется ими по преимуществу в традиционном ключе: главным объектом привязанности выступает не национальное государство, а территориальные общности. В опросе витебских студентов в 2001 г. первое место в содержательном определении патриотизма заняло высказывание «патриотизм – это любовь к тому месту, где родился и вырос» [54, с. 71]. Минские студенты в 2005 г. при ответе на открытый вопрос чаще всего интерпретировали концепт «Родина» как двуединство территории и народа (людей, среди которых живешь), при этом словосочетание «белорусский народ» не упоминалось [8]. Национальный аспект патриотизма слабо акцентирован в сознании студенческой молодежи, кроме того, в вопросе личностной самоидентификации национальная принадлежность занимает предпоследнее место [6, с. 71]. Эти локальные данные подтверждают общую закономерность, согласно которой белорусская идентичность имеет слабую гражданскую и этническую привязку [60, с. 13–14]. Базовым интегрирующим фактором для белорусов оказывается общая территория и совместное проживание [60, с. 8]. В результате исторически преобладавший среди жителей Беларуси тип социокультурной идентичности под названием «тутэйшыя» остается господствующим и в наши дни, составляя основу патриотических переживаний [60, с. 9; 62, с. 36].

Степень выраженности патриотических чувств у населения в целом оценить сложно, так как конкретно-социологические исследования по этой

тематике касаются исключительно молодежи, и их результаты не поддаются однозначной интерпретации. По данным, полученным с конца 1990-х до 2004 г., число людей, самоопределяющихся в качестве патриотов, увеличивается [59, с. 352]. «Просматривается явная тенденция роста патриотических ценностей в среде молодого поколения, сформировавшегося в условиях государственного суверенитета Республики Беларусь» [71, с. 79]. В то же время каждый третий молодой человек в 1996, 1998 и 2002 г. полагал, что Родина – там, где хорошо жить [23, с. 62; 42, с. 191]. Точно так же 70 % молодых россиян и 55 % их родителей считали в 2002 г., что человек должен жить в той стране, где ему больше нравится [22, с. 102]. В других опросах патриотизм занял последнее место в списке ценностных ориентаций белорусской студенческой молодежи [40, с. 51; 54, с. 62; 69, с. 176], а в 2005 г. оказался на шестой из 18 позиций [15, с. 635]. Таким образом, статус патриотизма в системе нравственных представлений остается относительно невысоким.

Функционирование принципа коллективизма в белорусском обществе обусловлено двумя обстоятельствами: сохранением элементов традиционного способа моральной регуляции и наследием советской идеологии. Российские исследования постсоветских трансформаций морали расходятся в оценке фактического бытования этого принципа. Согласно одним данным, 48,2 % современных россиян «считают коллективизм одной из ведущих норм регулирования взаимоотношений в обществе» [18, с. 51]. «В начале третьего тысячелетия происходит постепенный возврат его [коллективизма] как необходимого принципа жизнедеятельности, предполагающего объединение людей из внутренних побуждений» [51, с. 61]. Другие же авторы высказываются весьма скептически: «Нет никаких серьезных оснований считать, что коллективизм вообще является осознанной жизненной ценностью для большинства тех, кто декларирует благосклонное к нему отношение» [43, с. 103]. Расхождение в оценках происходит во многом из-за различия в методиках исследования данного феномена. *Принцип* коллективизма действительно имеет крайне низкий рейтинг, однако высоко одобряется *идея* коллективизма как взаимовыручки, помощи не на словах, а на деле [51, с. 57], т. е. отвергается «советский» концепт, зато поддерживается традиционное представление о коллективе как силе на защите индивида.

Невзирая на волны модернизации, а возможно, и как реакция на них, в белорусском социуме воспроизводятся сообщества общинного типа, транслирующие архетипы традиционного сознания. Так, согласно самооценке белорусов главным качеством современного белорусского народа является гостеприимство (76,1 % опрошенных), а на втором месте стоит теплота и сердечность в отношениях (72,7 %) [38, с. 157], выполнение

долга перед близкими людьми доминирует над исполнением гражданского долга [15, с. 636]. Солидарность на межличностном, семейном, микрогрупповом уровне сильна и одобряема общественным мнением, а на уровне общества в целом очень слабая и распадается при любом общественном потрясении (что и показали 1990-е гг.) [11, с. 272–275]. Это подтверждает общеисторическую закономерность, выявленную П. В. Турчиным: высокий коллективизм в малых группах чаще всего сопровождается низким доверием в масштабах общества и уменьшением социального капитала [64, с. 86–93]. По данным 2000 г. общественная мораль представляла собой ценность не более чем для 40 % белорусов и не только не входила в интегрирующее ядро ценностного сознания, но представляла собой оппонировавший дифференциал [63, с. 53]. Таким образом, наши соотечественники понимают коллективизм в духе «грамады» [2, с. 129], когда главной ценностью выступает не универсальный закон морали (общество модерна) и не согласование интересов (общество постмодерна), а теплые межличностные отношения с ближайшим окружением.

Коллективистская ориентация определяет способ регуляции в малых группах современного белорусского общества, между тем сознательная приверженность принципу коллективизма и сопутствующим ему нормативно-ценностным представлениям в постсоветских обществах невелика. Например, не более трети студентов считают коллективизм значимой ценностью, при этом большинство его приверженцев интерпретирует коллективизм как защиту интересов личности со стороны коллектива, а вовсе не разделяет советскую установку на то, что интересы коллектива важнее интересов личности. При сравнении «коллективистов» с общей массой респондентов не было выявлено никаких отличий ни в трактовке коллективизма, ни в отношении к другим ценностям, ни в мотивации поведения [15, с. 640]. Кроме того, статус идеи коллективизма может быть адекватно оценен только в сопоставлении с принципом индивидуализма, функционирование которого в нашем обществе будет рассмотрено далее, в разделе о ценностях модерна.

Роль религии в современной системе нравственности определяется в первую очередь общими закономерностями функционирования религиозно-традиционной нравственности. Моральная идеология традиционных для Беларуси конфессий достаточно сильно синкретизирована с традиционной нравственностью, т. е. «традиционные», «народные» и «христианские» нравы интуитивно отождествляются не только на уровне обыденного сознания, но даже в социологических исследованиях [63, с. 147]. При этом конфессиональная специфика не является определяющей: «любая религиозная традиция, здесь бытовавшая, используется для трансляции народной традиции, а не наоборот» [25, с. 76]. Христианские цен-

ности составляют не специфическую систему моральных убеждений, но нерефлексируемую составляющую менталитета народа. В то же время религия как способ регуляции пребывает на периферии социальной практики, в результате нравственность верующих и неверующих белорусов, а также верующих разных конфессий существенно не различается.

Религиозный ренессанс последних десятилетий и распространение новых форм религиозности [68] существенно не повлияли на систему нравственных отношений в обществе. Хотя к числу наиболее значимых функций религии жители Беларуси относят нравственную функцию (укрепление общественной морали, побуждение человека к добру, помощь в обретении смысла жизни [2, с. 143; 25, с. 72; 29, с. 106]), убеждение в этом практически не зависит от типа мировоззрения. С тем, что религия способствует нравственному улучшению общества и людей, согласны примерно 55 % опрошенных, как религиозно ориентированных, так и нерелигиозных вовсе [49, с. 33]. Любопытные данные о том, что в нашей стране примерно половина населения относит себя к верующим, но три четверти – к православным [30, с. 7, 13], показывают, что христианство воспринимается как культурная традиция, а не как специфическая идеология, противостоящая светской нравственности. Базовые ценности христианской морали функционируют как ценности светские. «По своим нравственным убеждениям и ценностям верующие ничем не отличаются от представителей других мировоззрений» [53, с. 93]. Мало того, «за последние 6 лет [1998–2005], независимо от уровня религиозности и конфессиональной принадлежности, во всех группах (т. е. в обществе в целом) существенно возросла ценность богатства, больших денег и одновременно снизилась значимость таких ценностей, как любовь, дружба и свобода» [30, с. 22]. В результате большинством населения любые специфические предписания религиозной морали исполняются в той степени, в которой они не противоречат светскому образу жизни, достижению материального и социального благополучия.

Таким образом, общая номенклатура традиционных ценностей сохраняет свое значимое место в нравственной жизни современного белорусского общества, при этом содержательное наполнение и инструментальное воплощение этих ценностей таково, что оно позволяет воспринимать моральные инновации без разрушения нравственной ткани социума [10].

2. Ценности модерна в нравственности белорусского общества. Приверженность белорусов классическим ценностям модерна: свободе, индивидуализму, трудолюбию (профессионализму) и гражданским формам патриотизма – свидетельствовала бы о том, что в обществе наличествует достаточный духовный потенциал для современной социокультурной

трансформации, целью которой является построение суверенного национального государства. Точно так же рационализм и универсализм морального мышления, опора на внутреннюю саморегуляцию и автономию личности были бы признаками способа моральной регуляции, присущего обществам модерна. Между тем белорусское общество остается транзитивным: в 2000 г. примерно 70 % населения одобряли рыночную экономику, при этом те же 70 % единственным источником доходов имели заработную плату и считали, что государство должно регулировать цены [33, с. 69–71]. «75 % молодых людей не любят соперничества, но в случае необходимости готовы принять условия этой игры» [71, с. 109]. Массовая психология колеблется между желанием воспользоваться материальными благами, которые приносит модернизация, и стремлением сохранить привычные формы жизнедеятельности, в том числе традиционные нравственные ориентации. Если социально-экономические ценности капитализма еще находят понимание в некоторых слоях населения, то буржуазная мораль почти всегда ассоциируется с «аморализмом»: эгоизмом, противопоставлением своих интересов общественным, стремлением к наживе [52].

Поэтому мораль модерна в чистом виде никогда не имела в белорусском обществе большого распространения. В результате исторических перемен произошла не столько модернизация морального сознания, сколько формирование в белорусской системе нравственности собственных оригинальных моральных концептов. Наиболее замечательным из них является представление белорусов о свободе.

Мечта крестьянина о воле, мечта-воспоминание белорусского народа о государственной самостоятельности всегда составляли сердцевину белорусской общественной мысли. Однако решение проблемы неизменно виделось не на пути создания гражданских институтов, защищающих свободу, а в уходе из-под гнета социальных институтов. Свобода мыслилась как независимость («незалежнасць»). В классических обществах модерна за свободу боролись народы и классы, личности обретали свободу в результате изменения социального статуса, определенное устройство социальных отношений задавало исторические параметры свободы. Независимость же мыслится как определенное равнодушие к социальным связям, не предполагающее «борьбы за независимость», это не столько социальное, сколько ментальное качество личности. А если учесть ландшафт, изобилующий лесами и болотами, то возможность обрести независимость связывалась с топографическим отделением от больших социальных структур, с возможностью заняться чем-то своим, не самым великим, но экзистенциально важным. Именно в таком контексте белорусский народ воспринял идеи модерна о свободе личности и правах человека.

В начале XXI в. свобода занимает второе после семьи место в иерархии ценностей жителей Беларуси. Казалось бы, «включение в ядро в качестве одного из важнейших компонентов современной ценности свободы свидетельствует о значительных сдвигах массового сознания белорусов в сторону модернизации» [62, с. 40–41]. Между тем Е. М. Бабосов справедливо полагает, что свобода как элемент европейской системы ценностей связана в сознании белорусов в первую очередь с самоуважением и независимостью личности [2, с. 133]. С высказыванием «я – человек, обладающий собственным достоинством» согласились в 2000 г. 78,6 %, а в 2002 г. – 84,3 % белорусских граждан [2, с. 132]. Стремление к личной свободе как характеристику реального белорусского менталитета в 2003 г. отметили 29,8 % граждан Беларуси, при этом 89,6 % включили ее в идеальный портрет белоруса [38, с. 155, 157]. Свобода личности занимает первую позицию среди инструментальных ценностей белорусского студента [69, с. 176]. Специфику переживания свободы как личной независимости подтверждают и выводы Т. И. Яковук относительно ценностных ориентаций белорусской молодежи: «Защита и нерушимость личного пространства человека ценятся ею особенно высоко» [71, с. 99.] «Под независимостью молодежь первого поколения системной трансформации общества понимает право личности на субъективную индивидуацию» [71, с. 117]. «Данное поколение, не включающее в рамки своего социального опыта макросоциальные структуры, <...> ограничивается свободно создаваемыми индивидуальными жизненными стратегиями» [71, с. 115]. Такого рода ориентации, соответствующие, скорее, постмодерной жизненной установке, характерны как для Беларуси, так и для России. Все это побуждает более внимательно проанализировать статус и содержание принципа индивидуализма в системе нравственных представлений современных белорусов.

На протяжении последних двух десятилетий в общественном сознании произошла не только переориентация с принципа коллективизма на принцип индивидуализма, но и содержательная модификация индивидуализма. Несмотря на то что 93,4 % взрослых белорусов считают стремление к личной свободе положительной ценностью, 2/3 из них зафиксировали индивидуализм как отрицательную ценность и полагают, что у наших современников его в избытке [38, с. 160, 188]. В то же время для белорусской молодежи принцип индивидуализма является весьма значимым [15, с. 635; 71, с. 78], при этом эгоистическая его интерпретация не пользуется популярностью [15, с. 642; 57, с. 58; 71, с. 143]. Господствующая же трактовка состоит в том, что индивидуализм – это осознание своей индивидуальности и неповторимости, что опять-таки соотносится с пониманием свободы как независимости. Для молодых людей индивидуа-

лизм – это не столько принцип поведения в социуме, сколько способ обретения себя, это противостояние стереотипам массового сознания и осознание того, что самая главная ценность в мире – личность [15, с. 640]. Можно согласиться с выводом Т. И. Яковук, что «речь идет о возможности проявления индивидуального начала, которое совсем необязательно, по мнению молодежи, должно противостоять общему» [71, с. 117–118]. Системная трансформация общества приблизила нас к глобальной постиндустриальной цивилизации, в которой индивидуализм выражается не столько в индивидуальной деятельности, сколько в индивидуальности потребления, а также в индивидуальности образа жизни. Индивидуалист такого типа не противопоставляет себя обществу, а самовыражается внутри имеющегося социального порядка. «Достижение личной свободы и независимости современными белорусами предполагается не через преодоление влияния коллектива..., а посредством коллектива» [38, с. 188].

Существование типа индивидуалиста-конформиста подтверждается и в исследовании под руководством С. В. Лапиной. Типичным представителем молодежной среды выступает «индивидуалист, достаточно пассивно воспринимающий воздействия окружающей среды, но будучи включенным в нее склонный к конформизму и ориентациям, характерным для общества» [61, с. 61]. «Декларируемый индивидуализм в сочетании со склонностью к принятию тотальных социокультурных целостностей, в которых растворяется индивидуальность, на практике может обернуться своей противоположностью» [61, с. 70]. Кроме того, было обнаружено, что присущее культуре модерна представление об индивидуалисте как активном деятеле, а коллективисте как человеке, пассивно воспринимающем традиционно сложившиеся способы жизни, не соответствует современному положению вещей [61, с. 61]. Гипотеза о наличии коллективистов и индивидуалистов как противоположных по моральной ориентации групп на современном этапе не получила подтверждения. Даже явное предпочтение какого-либо принципа не означает принятие сопутствующих «комплиментарных» ценностей и тем более его поведенческую реализацию [15, с. 640, 643].

Косвенным свидетельством того, что понимание индивидуализма в современном белорусском обществе далеко от классического образца модерна, является низкая значимость социальной категории «успех» [71, с. 107–109], сдержанное отношение к пользе соревновательности и конкуренции [38, с. 157, 160], отказ связывать нравственность человека с наличием у него денег и считать деньги обязательным условием счастья и смыслом жизни [14, с. 172; 71, с. 105].

Индивидуализм не стал принципом морального сознания белорусского общества, зато частично повлиял на укрепление автономии инди-

видуального субъекта морального поведения. Наиболее значимым фактором, регулирующим поведение большинства людей, как и их собственное, студенты считают совесть (60 %). Ни общественное мнение, ни влияние СМИ, ни тем более мнение начальников и руководителей разного уровня не кажется им нравственно авторитетным [6, с. 69].

Признаком модернизации принципа трудолюбия может служить эволюция его мотивов и общая динамика в направлении профессионализма как специфической ценности культуры модерна. В постсоветский период отношение к труду в нашей стране существенно изменилось. Если в СССР труд занимал первое место в системе факторов самоутверждения личности, то к концу XX в. он переместился на пятое [3], работа из числа базовых ценностей переместилась в структурный резерв [31, с. 69; 62, с. 43]. Если в 1987 г. 93,4 % выпускников школ хотели видеть свою работу полезной обществу, то уже в 1993 г. столько же молодых людей желали хорошо зарабатывать [57, с. 57]. Такая мотивация труда неуклонно укреплялась [32, с. 33], и в 2008 г. почти 100 % молодых людей в Беларуси считали высокую зарплату главным критерием при выборе работы [29, с. 103; 71, с. 72]. В то же время это не означает отказ от труда как средства самореализации, от поиска интересной работы, на которой можно чего-то достичь. Общественные интересы при этом реализуются опосредованно. Трудолюбие стоит на первом месте в иерархии *средств* достижения жизненного успеха, но вовсе не является самоценностью [40, с. 50].

В структуре представлений о трудолюбии как нравственном принципе в молодежной среде господствует индивидуалистически личностная его трактовка. Первое и второе места (по 52,5 %) разделили утверждения о том, что «трудолюбие дает возможность самовыражения» и «трудолюбие обеспечивает самостоятельность, независимость». А вот мысль о том, что «в основе трудолюбия лежит стремление заработать деньги», присуща 25 % студентов [15, с. 635]. Все это признаки того, что нравственный аспект труда по-прежнему связан с самореализацией, беда в том, что этот аспект не является главным.

Поразительна значимость профессионализма для современных студентов: они поставили его на первое место среди 18 других нравственных ценностей, а на третьем – оказалось трудолюбие [15, с. 635]. Это означает, что для студента выбор жизненных ценностей ассоциируется с выбором профессии, усовершенствованием в ней и успешном труде в рамках выбранной специальности. Стратегию жизненного успеха современные молодые люди во многом связывают именно с профессиональной подготовкой [42, с. 187].

Некоторой модернизации подвергся в современном белорусском обществе и принцип патриотизма, что связано с политическим курсом на

построение суверенного национального государства. Молодежь первого поколения периода социальной трансформации склонна уделять внимание гражданским аспектам патриотизма. «Если для представителей старшего поколения быть белорусом прежде всего значит любить и гордиться Беларусью, то для молодежи быть белорусом значит больше ощущать себя гражданином, знать и использовать гражданские права, выполнять обязанности, быть причастным к жизни страны» [60, с. 16–17]. К проявлениям гражданского патриотизма следует отнести стремление молодых людей самостоятельно совершенствовать жизнь в своей стране. В 2005 г. при ответе на открытый вопрос 25 % студентов связывали его с потребностью сделать все на благо своей страны, способствовать ее процветанию. Традиционное уважение к свершениям предков органично дополнялось у них мыслями о будущем, об их собственном участии в развитии экономики, культуры и социальных отношений в республике [8, с. 152].

Между тем степень приверженности этим тезисам не следует преувеличивать. Как отмечалось, локальные формы патриотизма остаются у белорусского народа доминирующими, а жизненные проекты конкретных белорусов весьма индивидуалистичны, что свидетельствует о слабой их приверженности общественным интересам. Подавляющее большинство белорусов идентифицируют себя с семьей (91,7 %), друзьями и близкими (71,8 %) и почти втрое меньше – с гражданами Республики Беларусь [59, с. 106]. Исследователи обращают внимание на «преимущественно “негражданский” характер консолидации жителей Беларуси» [60, с. 13]. Все это – признаки несформированного гражданского общества и, соответственно, недостатка социокультурных предпосылок для формирования системы нравственности модерна. Общественная мораль, основанная на рациональной аргументации и отработанных процедурах взаимодействия социальных групп, развита в Беларуси весьма слабо [11, с. 274].

О недостаточном осознании важности общественной, а не только межличностной морали говорит высокая «оправдательная способность» наших соотечественников по отношению к различным социальным порокам. Сравнительное исследование 2000 г. показало, что «белорусы в большей степени, чем представители других наций, посчитали возможным оправдать такие действия, которые ни с точки зрения традиционной, ни либеральной морали не являются допустимыми, а объясняются отсутствием традиций жить по закону: взятки, обман в собственных интересах, неуплата налогов, получение незаслуженных льгот» [63, с. 152]. Повторный опрос в 2008 г. свидетельствует, что число таких людей несколько сократилось [29, с. 107]. Однако общая тенденция сохраняется: в Беларуси, как и в России, «осталось постоянным крайне отрицательное отношение к людям, посягающим на интересы человеческой личности..., и более

снисходительным, если не поощрительным, к тем, кто посягает на государственные и общественные интересы» [41, с. 51]. «В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание общепринятым в обществе нормам, у нас [в России] этот процесс характеризуется либо «застреванием» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо обращением к высшему (по Л. Колбергу и Дж. Тапп) уровню морально-правового развития, опирающемуся на высшие этические принципы и совесть» [21, с. 30]. Таким образом, белорусскому социуму недостает характеристик современного общества, а его гражданам – ориентации на соответствующие способы регуляции поведения, что, кстати сказать, вполне осознается общественным мнением.

При сравнении ментального автопортрета современного белоруса с его идеальным портретом было выявлено, что именно качеств модерна (точности, обязательности, законопослушности, соревновательности и предприимчивости) недостает нашим гражданам, в то время как созерцательности и стремления к медленным переменам (ментальных характеристик человека традиционного общества) – явно в избытке [38, с. 160]. При размышлении о том, какие качества они хотели бы воспитать в своих детях, современные родители отдали предпочтение воспитанности, решительности и бережливости, но отвергли воображение, бескорыстие и религиозность. «Этот рейтинг качеств – ценностей... свидетельствует о нарастании элементов рациональности в массовом сознании переходного общества» [53, с. 89]. Из этого также следует, что общество хочет воспитать в подрастающем поколении именно нравственные ценности модерна, при этом само молодое поколение, в принципе, также ориентировано на них. Ценностный дискурс модерна выражен у 43 % белорусских студентов [39, с. 92].

Итак, наблюдается диспропорция между индивидуальным осознанием необходимости освоения ценностей модерна и сложившимися ментальными характеристиками общества. Ценности модерна относятся к ценностному резерву морального сознания белорусов, но именно в нем за последние десятилетия произошли наиболее существенные сдвиги [62, с. 44]. После непродолжительных попыток импортировать эти ценности в чистом виде в системе нравственности белорусского общества произошла актуализация автохтонных концептов (независимость, трудолюбие, совесть), выполняющих аналогичные функции.

3. Признаки постмодернизации нравственности белорусского общества. Возможность существования нравственности постмодерна определяется формированием новых субъектов регуляции и плюралистической нравственной среды. Главной функцией морали постмодерна становится

обеспечение толерантного сосуществования в едином мире различных культур и их носителей. Другой задачей является защита частного пространства и личных предпочтений индивида от посягательств со стороны социальных групп и общественных институтов. Также общество постмодерна характеризуется особыми, постматериалистическими жизненными установками, основу исследования которых заложил Г. Ингледарт [36], а также особым вниманием к экологическим ценностям.

Анализ современного белорусского общества на предмет такого рода ориентаций позволит оценить степень постмодернизации нравов. При этом уже изначально можно выдвинуть гипотезу о том, что ценности глобального мира на белорусской почве обретут самостоятельное наполнение, а их функционирование будет обеспечено существенно иными, чем в западном мире, социальными механизмами.

Приверженность новым нравственным ориентациям свойственна в первую очередь представителям молодого поколения [63, с. 44]. Интереснейшее исследование О. Н. Кисловой и Л. Г. Сокурянской показывает, что число «постмодернистски» ориентированных белорусских студентов составляет около 30 % [39, с. 91]. В России также «младшее поколение людей от 18 до 24 лет является наиболее постматериалистичным» [1, с. 77]. Между молодежной культурой и культурой постмодерна просматривается содержательная параллель [61, с. 29]. В первую очередь их роднит плюрализм моральных представлений, превратившийся в принципиальную жизненную позицию. Как констатирует Т. И. Яковук, «многие, кажущиеся противоречивыми, убеждения в условиях отсутствия моральных размышлений мирно сосуществуют, не сталкиваясь друг с другом, не ведут к познавательному конфликту» [71, с. 101]. Реакция молодежи на плюрализм моральных ценностей не состоит в отказе от них, «видение многомерности явлений, будучи совершенно естественным импульсом, не порождает растерянности, неуверенности, мировоззренческого дискомфорта. Для молодых это многоаспектный мир. При этом формулировка его оценок является не результатом мировоззренческого колебания, а результатом определенного понимания действительности, которая воспринимается совершенно естественно» [71, с. 167].

При этом белорусские студенты делятся на «постмодернистов-индивидуалистов» (5 % опрошенных, из которых 76 % – мужчины) и «постмодернистов-коммуналистов» (25 % опрошенных, среди которых 70 % – девушки) [39, с. 97]. Эти данные можно интерпретировать в том духе, что постмодернизация в белорусском контексте имеет свою специфику: она предполагает укрепление коммунальных социальных связей; ответственность за воссоединение новых жизненных стратегий с традиционными берут на себя женщины; радикальный индивидуализм является наименее

популярной установкой. Мировоззрение постмодерна – это не просто равнодушие к традиционному моральному наследию, но поиск новой системы нравственных ценностей, одной из которых стала толерантность.

Глобализация и постмодерн породили насущную необходимость сосуществования и взаимопонимания как отдельных людей, так и систем нравственности, хотя некоторые авторы считают толерантность (памяркоўнасць) не новым, а как раз традиционным качеством белорусского национального менталитета, которое исторически обусловлено пограничным положением страны между Западом и Востоком, католицизмом и православием [2, с. 131–132]. В любом случае эта ценность играет все более значительную роль в жизни наших молодых современников [15, с. 637]. В исследовании Т. И. Яковук 71,4 % опрошенных согласились с высказыванием «моя среда терпима к “иным”». Она понимает, что каждый живет и мыслит по-своему. Мы считаем это естественным» [71, с. 217]. Однако толерантность молодые люди понимают чаще всего в аспекте межличностного общения – как терпимость к конкретным недостаткам окружающих. Толерантность же как способность адаптироваться к существованию в социуме различных систем нравственных представлений чаще всего находится вне их поля зрения.

Одним из проявлений толерантности может считаться изменение норм половой морали. При том, что семья у современной молодежи неизменно входит в пятерку ведущих жизненных ценностей, традиционная половая мораль, обеспечивавшая ее прочность, ушла в прошлое. Около половины молодых людей не осуждают кратковременные и беспорядочные половые связи [29, с. 107; 37, с. 7], и взрослые респонденты почти не отстают от них [63, с. 159]. Согласно исследованию, проведенному В. И. Каравкиным [37, с. 70–72], молодые люди проявляют значительную толерантность по отношению к добрачным половым связям, гражданскому браку, нетрадиционной сексуальной ориентации. Обращает на себя внимание позиция «одобряю, но не для себя», введенная исследователем по ряду вопросов. Ее выбор свидетельствует о том, что морально недопустимое в контексте личностной морали расценивается респондентом как допустимое в плане морали общественной и как раз свидетельствует о толерантности к сексуальным предпочтениям других людей. Не менее показательны 98,5 % респондентов в исследовании Т. И. Яковук, согласившихся с суждением «у меня есть собственное отношение к сексу, и оно лично для меня является важным и обязательным. Но в то же время я считаю, что если кто-либо к этому относится иначе, чем я, то – пожалуйста. Секс – личное дело каждого человека» [71, с. 216]. «Сексуальная мораль белорусов является довольно свободной» [63, с. 160], – замечает Л. Г. Титаренко. Такая ситуация полностью соответствует критериям постмодерной культуры, ко-

торая не только отказалась от половой морали прошлого, но и породила новые нормы в этой области, одной из которых является терпимость к сексуальным предпочтениям другого.

Современной молодежью поддерживается и такая постмодерная установка, как защита личного пространства, невмешательство в жизненные практики индивида, если они не затрагивают интересы других [71, с. 98–99, 214]. Даже тогда, когда некие поступки другого человека современный индивид считает плохими, он мирится с ними, так как значимость классических понятий «добра» и «зла» отступает перед таким благом, как мирное сосуществование с окружающими. Потребность в доброжелательных отношениях с другими людьми оказывается важнее, чем соответствие их жизни неким абстрактным нормам и принципам. В целом 2/3 современных белорусов считают толерантность чертой реального белорусского менталитета [38, с. 157].

Признаком постмодернизации морали является формирование нового субъекта нравственной регуляции, отличающегося гипериндивидуальностью. Системная трансформация нашего общества приблизила нас к глобальной постиндустриальной цивилизации, в которой индивидуализм выражается не столько в индивидуальной деятельности, сколько в индивидуальности потребления, а также в индивидуальности образа жизни. Большинство современных молодых людей индивидуализм трактуются не как противостояние обществу, а как осознание своей индивидуальности и неповторимости [15, с. 641]. Выявляются признаки нового агента морали, субъектность которого заключается в свободе выбора, в безграничном самовыражении внутри имеющегося социального порядка [61, с. 61–70; 71, с. 117–119]. «Свобода выбора подымается до ранга высшей ценности – до метаценности как условия доступа ко всем остальным ценностям» [44, с. 23].

Оборотной стороной гипериндивидуализма и признаком постмодернизации морали является замена коллективизма коммунитаризмом, стремлением образовывать сообщества, основанные на частных интересах и личных привязанностях, объединенные особым образом жизни. Поэтому индивид эпохи постмодерна не является одиноким и асоциальным субъектом, его инаковость не разрушает микрогруппу, с которой он себя идентифицирует [71, с. 118]. Об отсутствии у белорусской молодежи изоляционистских настроений свидетельствует высокий статус дружбы и любви в иерархии их жизненных ценностей [6, с. 71; 69, с. 176; 54, с. 62], приверженность аффективным типам идентичности (семья, друзья, соседи) [62, с. 33]. В целом в общественном сознании нашего общества произошла переориентация с общественных проблем на личные интересы, сужение социального горизонта до границ ближайшего окружения. Нравственная тематика современности сместилась из сферы отношений лич-

ность – общество в сферу личность – личность. Жизненное пространство и сфера самовыражения личности отождествляются с микросредой, семейной группой, дружеским и, наконец, виртуальным сообществом, роль которого незаметно растет.

Что касается таких параметров постматериалистической ориентации, как качество жизни, идентичность и самореализация, то применение западных методик по их исследованию на белорусской почве дает несопоставимые результаты. По Инглегарту, Беларусь имеет среднюю степень распространения постматериалистических ценностей: индекс их распространения минимальный в Китае – 7, максимальный в Финляндии – 33, в России – 11, в Беларуси – 15 пунктов [72, с. 87]. Само понятие «качество жизни» связывается белорусами в первую очередь с семьей, детьми и здоровьем и в гораздо меньшей мере с материальной обеспеченностью, а потому относительно легко достигается при невысоком уровне доходов. Несмотря на то что «2/3 взрослых белорусов живут в условиях, весьма далеких от современных стандартов качества жизни», их степень удовлетворенности превосходит аналогичные страны мира [34, с. 69–74], причиной чего являются в первую очередь сниженные запросы населения [62, с. 70–71]. Аналогичным образом такая ценность, как идентичность, достигается белорусами за счет не столько механизмов ее поиска в мультикультурном сообществе, сколько за счет территориальной самоидентификации. При отсутствии ярких специфических особенностей, отличающих белорусскую культуру от соседних славянских и даже других европейских культур, идентичность белорусов неуничтожима за счет ее неуловимости. Что касается самореализации, то, поскольку белорусы видят ее по преимуществу в семье и межличностном общении, она также благополучно осуществляется. При этом самореализация как главная ценность, доминирующее значение идей, а не денег удивительным образом являются элементами не только постмодерной установки, но и культуры интеллигенции. Поэтому не случайно оказывается, что, например, в России приверженность ценностям постматериализма связана не столько с высоким социальным статусом и финансовой безопасностью (как предполагал Инглегарт), сколько с уровнем образования [1, с. 80].

Поэтому главная гипотеза Инглегарта о связи новых ценностей с ростом богатства общества, позволяющим ему перейти на постматериалистическую ступень развития, не подтверждается в постсоветских странах [72, с. 92]. «Люди могут подражать определенным частям западного образа жизни, необязательно усваивая ценности, которые первоначально породили его» (перевод Е. Б.) [72, с. 79]. «Видимо, в Беларуси в целом, за исключением отдельных молодежных групп, не наблюдается тенденция роста ценностей постматериализма» [63, с. 193].

Наконец, признаком нравственности постмодерна могла бы стать экологическая ориентация жителей Беларуси. Между тем социологические данные показывают почти полное отсутствие плоскости так называемых инвайронментальных ценностей в сознании современных россиян и, соответственно, низкий индекс приверженности постматериалистическим ценностям [1, с. 80]. В Беларуси, при всей актуальности для населения экологической тематики, экоцентрическая ориентация сознания отнюдь не стала господствующей. Так, среди современных студентов примерно половина предпочитает принцип экоцентризма принципу антропоцентризма, однако «антропоцентристы» разделяют экологические ценности и следуют нормам экологической этики ничуть не меньше, чем «экоцентристы», аргументируя это тем, что защитить природу может только человек – высшее существо [17]. Кроме того, при рассмотрении биомедицинских проблем экоцентрическая мировоззренческая установка, которая декларируется молодыми людьми, практически не сказывается. Если сохранение жизни вступает в конфликт с правами личности, молодые люди полагают, что можно рисковать жизнью других людей (при экспериментах, трансплантации) и человечества в целом (клонирование, изменение форм биологического существования) ради сохранения свободы поиска и самовыражения этой личности [16, с. 76–80]. Таким образом, при рассмотрении экологических проблем основополагающими оказываются аргументы культуры модерна.

Создается впечатление, что в белорусском обществе элементы нравственности постмодерна встречаются на уровне личностных образцов и малых социальных групп, но ничем не фундированы на уровне социальных институтов и общественных отношений. Большинство постмодерных ценностей (толерантность, экология, новая половая мораль) имеют в моральном сознании белорусов традиционное или модерное обоснование.

В настоящее время основные параметры системы нравственности белорусского общества определились. Кризис постсоветского периода сменился процессами нравственной самоорганизации. Социальная синергия белорусского общества как «совместный результат объективной социально-исторической спонтанности и субъективного целеполагания в человеческих действиях, стихийности и планомерности социодинамики» [66, с. 96] имеет положительные нравственные перспективы.

В отношении российского общества иногда высказываются мнения о его нравственной деградации на основании роста преступности, самоубийств, алкоголизма и нестабильности семьи [70], однако рост аналогичных показателей можно проследить и в самых развитых «обществах потребления» [55]. В то же время даже в 1990-е гг., которые воспринимаются общественным сознанием как времена катастрофического падения

нравов, система базовых ценностей россиян существенно не изменилась, ее ядром был «повседневный гуманизм»: «здесь сконцентрировались фундаментальные нравственные ценности – забота о детях и стариках, спокойная совесть, добро и правда» [31, с. 138]. От 34 до 62 % россиян в 1993–1995 гг. разделяли общепринятые моральные нормы [31, с. 169]. «Ценности добра, свободы и достойного продолжения своего рода не подвержены влиянию перемен в обществе. Для 79 % опрошенных эти ценности – основа интеграции» [22, с. 101]. В 1989 и 2002 гг. не менее 50 % опрошенных в России «отвечают в соответствии с высшими этическими ценностями» [21, с. 30]. Российские исследования 2001–2003 гг. показывают, что «острота и негативизм восприятия проблемы не подкрепляются данными о действительно катастрофическом состоянии морально-нравственных установок россиян» [56, с. 89].

Аналогично и белорусские данные показывают, что с 1990 по 2000 г. «уровень морального сознания общества стал выше» [63, с. 149]. Об этом свидетельствуют и частные наблюдения: большинство студенческой молодежи имеет позитивную моральную самооценку и сбалансированное моральное сознание, оно полагает, что нравственная ситуация в стране неплохая и, вероятно, будет улучшаться [6, с. 69]. Между идеальным портретом менталитета белоруса и его реальным автопортретом нет радикального противоречия [38]. «Эти данные можно считать достаточными для того, чтобы опровергнуть имеющий место стереотип всеобщего морального кризиса постсоветского общества» [62, с. 41]. В Республике Беларусь сформировалась специфическая, достаточно устойчивая, динамически структурированная система нравственности.

- Параметры системы нравственности современной Беларуси обусловлены воздействием нравообразующих процессов модернизации и постмодернизации на традиционное, христианское и советское моральное наследие, устойчивость которого позволила легитимировать новые нравственные феномены в качестве неотрадиционных. Эта тенденция как антитеза фундаментализации традиционной нравственности выступает эффективным способом трансформации систем нравственности в глобализирующемся мире.

- В результате взаимодействия с многообразными системами моральных представлений современного мира в системе нравственности белорусского общества произошла проблематизация собственной нормативно-ценностной структуры. Активное движение прежних периферийных ценностей к центру морального сознания привело к переосмыслению содержания господствующих нормативно-ценностных представлений при сохранении их набора. Произошла нравственная самоорганизация белорусского социума за счет устойчивости ядра (традиционные ценности) и креативности периферии (индивидуальный субъект регуляции).

- Коллективными субъектами морали белорусского общества выступают по преимуществу разнообразные сообщества общинного типа. Моральная регуляция индивидуального субъекта осуществляется на базе «инорационального» феномена совести. Принцип индивидуализма интерпретируется и функционирует в контексте самоутверждения субъекта, стремящегося к личной свободе как независимости от социальных институтов.

- В процессе современной социальной трансформации произошла выработка оригинальных нравственных концептов, адекватных историческим вызовам эпохи, а также менталитету и социокультурным особенностям белорусского народа: свобода как ценность модерна была ассимилирована в религиозно-традиционном контексте и интерпретирована как личная духовная независимость; в качестве реакции на процессы модернизации и постмодернизации произошло укрепление локальных типов патриотизма и коллективизма; устойчивая ценность низовых аффилиционных сообществ становится предпосылкой эволюции коллективизма в постмодерный коммунитаризм; традиционная терпимость и постмодерная толерантность образовали единый непротиворечивый концепт; экологические ценности как ценность постматериалистической культуры освоены на идейной платформе модерна; трудолюбие в различных версиях утвердилось как универсальное нравственное качество для решения социальных проблем; ориентация на теплые, сердечные отношения как идеал социальной коммуникации выступает механизмом ассимиляции «чужого» морального опыта.

- Параметры системы нравственности белорусского общества свидетельствуют, что тенденцией современного нравственного развития становится реставрация традиционализма внутри постмодерна. По отношению к классической традиционной нравственности эти феномены выступают как неотрадиционные структуры, соответствующие антропологическим потребностям человека и человеческих сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрееenkova, А. В.* Материалистические/постматериалистические ценности в России / А. В. Андрееenkova // Социс. 1994. № 11. С. 73–81.
2. *Бабосов, Е. М.* Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е. М. Бабосов. Минск : Право и экономика, 2005. 230 с.
3. *Бабосов, Е. М.* Ценностные ориентации современной белорусской молодежи / Е. М. Бабосов // Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века: материалы регион. науч.-практ. конф. 3–4 февр. 1998 г. Могилев: [Б.и.], 1998. С. 136–137.
4. *Бакштановский, В. И.* Социология морали: нормативно-ценностные системы / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // Социс. 2003. № 5. С. 8–20.

5. Батыгин, Г. С. Как невозможна социология морали [Электронный ресурс] / Г. С. Батыгин // Публичная электронная библиотека «Прометей». Режим доступа: <http://books.prometeu.org/read/14/13688.html.x>. Дата доступа: 24.10.2009.

6. Беляева, Е. В. Взаимосвязь моральной самооценки и ценностных ориентаций студентов минских вузов / Е. В. Беляева // Философия и социальные науки. 2009. № 1/2. С. 68–72.

7. Беляева, Е. В. «Женское лицо» белорусской морали / Е. В. Беляева // Философское наследие Беларуси как духовная основа самоидентификации нации: материалы междунар. науч. конф., Минск, 8–9 нояб. 2007 г. / науч. ред-ры В. Н. Новиков, А. А. Лазаревич, И. Д. Карпенко; НАН Беларуси, Ин-т философии. Минск : Право и экономика, 2007. С. 211–214.

8. Беляева, Е. В. Интерпретация патриотизма в сознании студенческой молодежи / Е. В. Беляева // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Вып. 7. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. С. 146–157.

9. Беляева, Е. В. Мораль современной молодежи: от традиционализма к пост-модерну / Е. В. Беляева // Социология. 2008. № 4. С. 70–76.

10. Беляева, Е. В. Об исследовании ценностных ориентаций молодежи как оснований инновационной деятельности / Е. В. Беляева, В. И. Чуешов // Проблемы управления. 2007. № 1. С. 213–216.

11. Беляева, Е. В. Общественная мораль в современной Беларуси / Е. В. Беляева // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 272–292.

12. Беляева, Е. В. Патриотизм как нравственная гражданская позиция / Е. В. Беляева // Чалавек. Грамадства. Свет. 2000. № 1. С. 32–45.

13. Беляева, Е. В. Традиционные ценности в моральном сознании современного белорусского студента / Е. В. Беляева // Россия–Запад: прошлое, настоящее, перспективы развития: сб. ст. Армавир : ИП В. Е. Шурыгин, 2008. С. 114–117.

14. Беляева, Е. В. Трансформация ценностных ориентаций белорусской молодежи в конце XX – начале XXI века / Е. В. Беляева // Массовое сознание в России: современное состояние и тенденции изменения: материалы Всерос. заоч. электрон. конф., Комсомольск-на-Амуре, янв. 2007 г. Комсомольск-на-Амуре, 2007. С. 168–176.

15. Беляева, Е. В. Ценностная структура морального сознания современных студентов / Е. В. Беляева // Науч. тр. Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Вып. 9. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. С. 634–643.

16. Беляева, Е. В. Экологическая культура студенческой молодежи: опыт социологического анализа в вузах Беларуси / Е. В. Беляева // Основы экологической этики: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.]; под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. П. Кундаса. Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2008. С. 67–83.

17. Беляева, Е. В. Экоцентризм и антропоцентризм в структуре экологического сознания студенческой молодежи / Е. В. Беляева // Проблемы управления. 2009. № 2(31). С. 116–119.

18. Бойков, В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян / В. Э. Бойков // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 46–52.

19. Боцонь, Л. А. Общественный быт сельского населения / Л. А. Боцонь, Л. И. Минько // Общественный, семейный быт и духовная культура населения По-

лесья / В. К. Бондарчик [и др.]; редкол.: В. К. Бондарчик (отв. ред.) [и др.]; Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР. Минск : Наука и техника, 1987. С. 8–47.

20. *Вахитов, Р. Р.* Как мы выживали в 1990-е? Общинная самоорганизация россиян в эпоху либеральных реформ 1990-х гг. / Р. Р. Вахитов // *Философия социальных коммуникаций*. 2009. № 7. С. 83–97.

21. *Воловикова, М. И.* Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете : автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / М. И. Воловикова; РАН, Ин-т психологии. М., 2005. 51 с.

22. *Гаврилюк, В. В.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз // *Социс*. 2002. № 1. С. 96–105.

23. *Гащенко, Л. А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества / Л. Г. Гащенко. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2003. 135 с.

24. *Голубеў, В. Ф.* Сельская абшчына ў Беларусі XVI – XVIII стст. / В. Ф. Голубеў. Мінск : Беларус. навука, 2008. 407 с.

25. *Гурко, А. В.* Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: этнический и исторический аспекты / А. В. Гурко; Ин-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Респ. Беларусь. Минск : ИСПИ, 2001. 103 с.

26. *Данилов, А. Н.* Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды / А. Н. Данилов. Минск : Харвест, 1999. 319 с.

27. *Данилов, А. Н.* Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. Минск : Харвест, 1998. 431 с.

28. *Данилов, А. Н.* Процессы трансформации постсоветских обществ: опыт России, Беларуси, Казахстана / А. Н. Данилов, О. В. Нечипоренко // *Социология*. 2008. № 1. С. 85–98.

29. *Данилова, Е. А.* Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь / Е. А. Данилова // *Социология*. 2008. № 4. С. 99–107.

30. Динамика уровня и характера религиозности населения Республики Беларусь: научный отчет / Л. Г. Новикова [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск: Беларус. навука, 2005. 28 с.

31. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н. И. Лапин [и др.]; отв. ред-ры : Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; РАН, Ин-т философии. М. : Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.

32. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов [и др.]; под ред. Е. М. Бабосова. Минск : Современное слово, 2001. 160 с.

33. *Дмитриев, Е. И.* Парадоксы массового социально-экономического сознания / Е. И. Дмитриев // *Беларусь: вчера, сегодня, завтра (по материалам социологического мониторинга): сб. науч. тр.* / под общ. ред. М. Н. Хурса. Минск, 2001. С. 68–77.

34. *Зеленков, А. И.* Сравнительный анализ социодинамики качества жизни населения стран СНГ / А. И. Зеленков, Д. Г. Ротман // *Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект* / под ред. Д. Г. Ротмана и А. Н. Данилова. Минск, 2005. С. 61–79.

35. *Зеленкова, И. Л.* Этика: учеб. пособие для студентов вузов / И. Л. Зеленкова, Е. В. Беляева. Минск : ТетраСистемс, 1996. 367 с.

36. *Инглегарт, Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 249–260.

37. *Каравкин, В. И.* Духовные интенции современной молодежи (социологический анализ): монография / В. И. Каравкин. Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. 83 с.

38. *Кириенко, В. В.* Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 319 с.

39. *Кислова, О. Н.* Ценностный мир постсоветского студенчества: результаты применения методов интеллектуального анализа данных / О. Н. Кислова, Л. Г. Сокурская // Социология. 2008. № 3. С. 88–100.

40. *Климович, А. В.* Динамика жизненных ценностей студенческой молодежи / А. В. Климович // Философские проблемы образования и воспитания студенческой молодежи: материалы респ. науч.-практ. конф., Брест, 22–23 апр. 2009 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, каф. философии; под ред. В. А. Степановича, П. П. Круся, А. В. Климович. Брест : Альтернатива, 2009. С. 46–51.

41. *Кудрявцев, В. Н.* Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. М. : Гардарики, 2002. 238 с.

42. *Кузьмич, М. П.* Самосознание молодежи в условиях формирования гражданского общества / М. П. Кузьмич // Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга): сб. науч. тр. / под общ. ред. М. Н. Хурса. Минск, 2003. С. 183–201.

43. *Кутковец, Т. А.* Коллективизм: жизненная ценность или след ушедшей эпохи? / Т. А. Кутковец, И. М. Клямкин // Этика науки. Ведомости. Вып. 18 / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИ ПЭ, 2001. С. 83–105.

44. *Локова, М. Ю.* Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме (социально-философский аспект). автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / М. Ю. Локова; Моск. гуманит. ун-т. М., 2007. 24 с.

45. *Майхрович, А. С.* Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларуси / А. С. Майхрович; науч. ред. Д. И. Широканов; НАН Беларуси, Ин-т филос. и права. Минск : Навука і тэхніка, 1992. 247 с.

46. *Мальдзіс, А.* Пра побыт і норавы нашых продкаў / А. Мальдзіс. Мінск : Маст. літ-ра, 1994. 495 с.

47. *Марзалюк, І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XIII стст.): манаграфія / І. А. Марзалюк. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2002. 324 с.

48. *Морозова, С.* Динамика жизненных ценностей в структуре нормативного сознания населения Беларуси и стран ближнего зарубежья / С. Морозова, Д. Булынько // Роль образовательных и исследовательских организаций в приграничном сотрудничестве: материалы междунар. семинара, Минск, 29 мая 2008 г. Минск : Тесей, 2008. С. 84–107.

49. *Новикова, Л. Г.* Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л. Г. Новикова. Минск : БНТ-информ, 2001. 132 с.

50. *Падокшын, С. А.* Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст. / С. А. Падокшын; навук. рэд. А. С. Майхровіч. Мінск: Беларус. навука, 2004. 151 с.

51. *Рассади́на, Т. А.* Нравственные ориентации жителей российской провинции / Т. А. Рассади́на // Социологические исследования. 2004. № 7 С. 52–61.
52. *Рогачев, С. В.* Современные ценностные ориентиры российского общества в процессе построения социального государства: противоречия и тенденции / С. В. Рогачев // Специфика формирования социального государства в России и Белоруссии / Т. В. Караджа [и др.]; РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. М.; Минск, 2002. С. 60–72.
53. *Ротман, Д. Г.* Специфика и особенности эволюции жизненных ценностей населения Беларуси в сравнении со странами ближнего Зарубежья / Д. Г. Ротман [и др.] // Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект / под ред. Д. Г. Ротмана и А. Н. Данилова. Минск, 2005. С. 80–97.
54. *Русецкий, А. В.* Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия: на примере студентов г. Витебска / А. В. Русецкий, Л. А. Гашенко; Учреждение образования «Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова». Витебск : ВГУ, 2002. 220 с.
55. *Сапожников, Е. И.* Общество потребления в странах Запада / Е. И. Сапожников // Вопросы философии. 2007. № 10. С. 53–63.
56. *Седова, Н. Н.* Морально-нравственные ориентации и социальная активность / Н. Н. Седова // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 88–94.
57. Современная белорусская молодежь: социальные ориентации, положение, тенденции и перспективы развития: отчет по итогам комплексного исслед., проведенного Ин-том социологии НАН Беларуси в июне–окт. 1993 г. Минск: [Б. и.], 1993. 130 с.
58. *Соколов, В. М.* Социология морали – реальная или гипотетическая? / В. М. Соколов // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 78–88.
59. Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ / М. Г. Алейник [и др.]; отв. ред. Г. М. Евелькин. Минск : Беларус. навука, 2006. 496 с.
60. Специфика гражданского и этнического самосознания представителей трех поколений / Л. И. Науменко [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск : Беларус. навука, 2005. 28 с.
61. Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры / С. В. Лапина [и др.]; редсовет: С. В. Лапина (предисл.) [и др.]. Брест : БГТУ, 2004. 96 с.
62. *Титаренко, Л. Г.* Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л. Г. Титаренко. Минск : РИВШ, 2006. 144 с.
63. *Титаренко, Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. Минск : Изд-во БГУ, 2004. 205 с.
64. *Турчин, П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории / П. В. Турчин; пер. с англ.; под общ. ред. Г. Г. Малинецкого, А. В. Подлазова, С. А. Боринской; предисл. Г. Г. Малинецкого. М. : URSS: ЛКИ, 2007. 365 с.
65. *Узгорок, М. Ю.* Патриотизм как высшая ценность духовной культуры личности: монография / М. Ю. Узгорок. Минск : БГПУ, 2007. 119 с.
66. *Харин, Ю. А.* Философия и идеология / Ю. А. Харин // Идеология и мировоззренческая культура личности: учеб.-метод. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов БГУИР / Г. И. Малыхина [и др.]; под ред. Г. И. Малыхиной. Минск, 2007. С. 36–51.
67. *Шарая, О. Н.* Ценностно-нормативная природа почитания предков / О. Н. Шарая. Минск : Тэхналогія, 2002. 249 с.

68. *Шелест, О. А.* Становление новых типов религиозности в условиях социокультурных трансформаций: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / О. А. Шелест; НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2006. 20 с.

69. *Шумская, Л. И.* Социализация студенческой молодежи / Л. И. Шумская. Минск : БГУ, 2001. 249 с.

70. *Юревич, А. В.* Нравственное состояние современного российского общества / А. В. Юревич // Социс. 2009. № 10. С. 70–79.

71. *Яковук, Т. И.* Динамика ценностных ориентаций белорусской молодежи периода системной трансформации общества / Т. И. Яковук. Брест : БГТУ, 2003. 234 с.

72. *Savicka, A.* Postmaterialism and globalisation: the specificity of value change in the post-communist milieu / A. Savicka; Research Institute of culture, philosophy and arts. Vilnius, 2004. 163 p.